

А. Кашина-Евреинова

**Подполье гения:
Сексуальные источники
творчества Достоевского**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-94
ББК 63.3-8
А11

- A11 **А. Кашина-Евреина**
Подполье гения: Сексуальные источники творчества Достоевского / А. Кашина-Евреина — М.: Lennex Corp, — Подготовка макета: ООО «Книга по Требованию», 2025. — 93 с.

ISBN 978-5-519-66933-7

«Подполье гения: Сексуальные источники творчества Достоевского» (1923)
— А. Кашина-Евреина

Литературно-психологическое исследование, в котором творчество Ф. М. Достоевского рассматривается через призму подсознательных и сексуальных импульсов. Автор обращается к биографии писателя и анализу его произведений, пытаясь показать, как внутренние конфликты, подавленные желания и «подпольная» сторона личности повлияли на формирование его художественного мира и образов.

ISBN 978-5-519-66933-7

© Lennex Corp, 2025
© А. Кашина-Евреина, 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ГЛАВА I.

ИДЕОЛОГИЯ ПОЛА В ВЕКАХ.

Когда в обществе темой разговора является половой вопрос, чувствуешь какую-то странную неловкость, как будто, говоря о столь естественном для человека, совершаешь что-то постыдное. Тем непонятнее и тем страннее такое отношение, когда глубже вдумаешься в этот вопрос. Ведь все, что мы ни видим живого, развивающегося, все это обязано своим возникновением одной силе, движущей мир—полу. Грандиозность этого стимула, его бесконечное могущество совершенно логично „обожествлялось“, возводилось в культ древними, как мистически непонятный, неисчерпаемый, „божественный“ источник жизни.

Изучая древне-индусские мифы, насчитывающие тысячелетия существования мы узнаем, что первое завоевание природы человеком—добывание огня—мыслилось, как случка мужского и

женского начала. Schröder, переводя Ригведу, дает тому пример: „Вот огниво, сказано там, рождающее (мужской кремь) приготовлено! Принеси сюда госпожу племени (женский кремь). В общих кремнях покоится плод любви, который уже помещен в беременную женщину... В нее, которая уже *раздвинула ноги, он входит, как опытный и знающий*“¹⁾). Здесь зажигание огня явно изображено в виде совокупления мужчины и женщины.

Таких примеров, символизирующих половой акт зажиганием огня, можно найти неограниченное количество в мифах, дошедших до нас.

Следующее завоевание человека — обработка земли точно так же мыслилось, как половой акт, как coitus богов земли.

Блестящим и простейшим доказательством этому являются результаты лингвистических исследований Kleinpaul'я, который установил, что *в латинском, греческом и некоторых восточных языках слово „пахать“ является синонимом „совершать coitus“*²⁾). Кроме того освежающая и возрождающая землю гроза всегда мыслилась, как акт оплодотворения земли, где сверкающая молния приравнивалась к напряженному фаллосу, а следующий за ней дождь — к семени мужчины, земля-же вся — воспринимающий семя, женский

¹⁾ Пеп. v. Schröder'a в „Misterium und Misnus in Rigveda S. 260.

²⁾ Rätzel der Sprache s. 136.

орган ¹⁾. Следствием из этого приравнения плодородной деятельности земли к половой жизни человека и являются различные эротические ритуалы, игры, совершаемые на празднествах, приурочиваемых к наиболее важным (для сельского населения), моментам года. Такими моментами являются 1) зимний солнцеворот, (возрождение земли), 2) цветение, оплодотворение, (весна) и, наконец, сбор плодов (осень) ²⁾. Любое из фольклористических исследований покажет совершенно точное распределение праздников — именно по этим трем моментам года.

Если мы обратимся к Элладе, создавшей законченный фаллический культ (phallus-мужской член), то увидим, что одним из важнейших ритуалов сельских дионисий (зимний праздник — возрождение земли) было ношение фаллофорами (специально выбираемые люди!) в процессии грандиозного phallus'a, как эмблемы всей органической жизни. На этих эллинских празднествах Дионису (богу плодородия), кроме ношения фаллоса, одним из неперенных священных ритуалов являлось публичное совершение coitus'a и другие недвусмысленные публичные эротические „действия“ ³⁾.

¹⁾ Отсюда, вероятно, к земле всегда прилагается женский эпитет „матери“.

²⁾ В Греции: в декабре — сельские дионисии; весной — амфистерии и осенью — линнеи (выжимка винограда).

³⁾ Греция-же создала культ Приапа (сын Диониса — оплодотворитель скота), бога, изображаемого всегда с напряженным членом (греческие медали и камни).

Frazer (The golden Bough) объясняет эти действия празднующих людей, как демонстрацию перед природой с желанием вызвать у нее подражание в обильном оплодотворении (симпатическая теория). Rank, изучая бытующую старину и пытаясь выяснить происхождение тех или иных обычаев, указывает, что не только греки на сельских дионисиях публично предавались половым излишествам, но что этот обычай сохранился и до сих пор, именно «при засеивании земли... голая пара совершает на пахотной земле половой акт, чтобы побудить почву к подражанию» ¹⁾ (аналогичное с Frazer'ом объяснение). Этот факт является еще одной иллюстрацией тому, что полу приписывалось такое бесконечное могущество, что все наиболее важные завоевания свои человек отождествлял со своей половой жизнью.

Поскольку это и теперь еще сохранилось у народов, не поработенных христианско-западной культурой, мы можем судить, кроме указания Rank'a, по тому, что фетиши дикарей (отводящие злых демонов) по большей части изображают все тот же священный фаллос, что дикари, не носящие вообще одежд, часто *украшают* (не закрывая) свои половые органы из почтительного отношения к ним ²⁾.

¹⁾ Otto Rank и Sachs. Значение психоанализа в науке о духе, стр. 21.

²⁾ Тому примеров много в очерке Н. Ellis'a „La pudeur“, франц. перев. в изд. Mercure de France.

В Индии, стране с многовековой культурой, до сих пор святые, спасающиеся в храмах, дают целовать бесплодным женщинам изображение священного фаллоса¹⁾. Даже в Японии, столь сильно приблизившейся к западной культуре, до сих пор, несмотря на преследования правительства, можно найти остатки фаллического культа²⁾.

Все эти факты, не относящиеся прямо к моей теме, я привела только для того, чтобы показать разницу в отношении к половому вопросу, которая существует между дохристианской моралью и нашей церковно-христианской.

Откуда же произошло это смещение понятия величественного и значительного на замалчиваемое, неудобоговоримое, „стыдное“?

Обожествление, возвеличение значения пола было убито христианством. Правда, христианство разрешило: „плодитесь и размножайтесь и населяйте землю“, но это не идеал его. Идеалом оно поставило отречение, уход от жизни, аскетизм („да оставит жену свою и да последует за мной“). И долгими веками церковь сначала гонимая и тем более пленительная, а затем уже властная, сулящая строгие кары в будущей жизни за нарушение законов Христа, взывала к пастве, требуя воздержания, требуя отказа

¹⁾ Энциклоп. словарь Брокгауз и Ефрон изд. 1902 г., т. XXV, стр. 266, статья Н. О. Фаллический культ.

²⁾ Ibid.

от половых удовольствий, осуждая их, как позорное угождение плоти, как греховное падение. И находились сильные духом, отказывавшиеся во имя Христова от плоти, уничтожавшие ее постом, молитвой, самобичеванием; и они делались „святыми“—идеалами для тех, кто не мог вместить жертвы отречения. А невместившие этой жертвы, перед которыми все время неотступно стоял нравственный идеал, так усиленно и продолжительно вдалбливаемый могущественной церковью,—они, по слабости духа, отдавая дань полу, конечно, не могли не относиться к нему, как к греху, как к наущению дьявола.

И из рук светлого, радостного, увенченного Диониса половое начало было предано в руки злобного, мрачного Дьявола-искусителя.

Такова была эволюция, произведенная христианской церковью за время с первых веков христианства до конца средневековья. С эпохой ренессанса началось, как будто, прояснение—дьявол уже потерял столь ощутимую реальность, но формулы нравственности, правда, только, как маложизненные правила, остались те-же, с тою разницей, что экстаз отречения выродился в мелкое лицемерие, но лицемерие общеобязательное.

Если беззастенчивая проповедь половой любви древних, их „Ars amatoria“ и далекие от чувства стыдливости комедии Аристофана, где все вещи называются своими именами, строго осуждались грозными монахами средне-

вековья, то у поколений, отодвинутых от средневековья длинными веками, осуждение и убежденность в греховности плотских удовольствий выродились в ханжество.

Строгие правила отречения от мирской жизни, продиктованные экстазом суровых монахов, превратились в сухие догмы, несогретые внутренним огнем, но «общество», как всегда косно-держась за внешность, еще не может отрешиться от „правил нравственности“, за которыми уже ничего не стоит. Вместо отречения с неизбежными компромиссами, мы наследуем „хороший тон порядочных людей“, где низкопробный разврат находит себе уютный уголок, но где простое выражение, завернутое в бумажку научности, как „половые органы“ неизбежно вызывает недоумевающие взгляды в лучшем случае и хихикающий огонек в глазах в худшем.

Как реакция на это изуродование миропонимания, при котором являлось возможным в серьез рассказывать анекдоты о романтических героях, выбрасывающих розовую вату вместо экскрементов и героинях, находящих новорожденных детей под капустным листом, уже в начале прошлого столетия раздался мощный крик.

Он исходил из уст Шопенгауэра.

В главе „Метафизика половой любви“¹⁾ своего главного труда Шопенгауэр подходит вплот-

- ¹⁾ Шопенгауэр: „Мир, как воля и представление“ гл 44, перевод Айхенвальда.

ную к вопросу о значении пола в любви и сразу все романтические вздохи и устремления поэтов окатывает, как ушатом воды. „Мы привыкли,— говорит он,— видеть, что поэты занимаются преимущественно изображением полово́й любви... Все эти произведения (т. е. лирические, романтические и др.) в своем главном содержании не что иное, как *многосторонние, краткие или пространные описания половой страсти*... И если Лихтенберг в своем очерке „О могуществе любви“, также как и Рошфуко, оспаривает и отрицает реальность и естественность этого чувства, то это с их стороны большое заблуждение¹⁾.

И дальше, подтверждая только что выставленное положение, он подчеркивает исключительную значительность его в жизни человека, так часто незамечаемую сознательно, а чаще бессознательно игнорируемую людьми. „Всякая влюбленность, какой-бы эфирный вид она себе ни придавала, имеет свои корни *исключительно в половом инстинкте*“²⁾. Сам, заранее предчувствуя громы, которые посыплются на его смелое заявление, он оговаривается: „впрочем меньше всего могу я рассчитывать на одобрение тех, кто сам одержим любовной страстью и кто в избытке чувств хотел-бы выразить ее в самых высоких и эфирных образах: таким людям моя теория покажется слишком материальной, хотя

¹ Ibid.

²) Ibid.

она, в сущности, метафизична и трансцендентна“¹⁾).

Правда, Шопенгауэр подчеркивает роль полового инстинкта только при наличии любви, влюбленности, моментов, когда он выявляется полностью; но, зная с одной стороны, как силен этот инстинкт в эти моменты, с другой, что ничто не будучи заложено в человеке потенциально, не может выявиться актуально в ту минуту, когда по той или иной причине снимаются печати с обычно крепко сдерживаемого, — можно смело заключить, что этот инстинкт является одним из главных составных частей нашей психической машины и его влияние неизбежно на всю нашу психическую жизнь.

Вот как пишет об этом Шибышевский в начале нашего столетия:

«В начале был пол. Ничего кроме него, — и все в нем. Пол был бесцельное, безбрежное ἀπειρον древнего Анаксимандра, когда он грезил о первоначальном Я. Пол это основная субстанция жизни, содержание развития, внутренняя сущность индивидуальности. Это была сила, которая привела частицы эфира в неопишное стремление соединяться друг с другом, вызвала в них горячие вибрации и создала свет. И стал пол безмерно жадным. Он изменялся в бесконечной эволюции и не мог успокоиться. Он бешено стремился к счастью в трохитах, он ржал

¹⁾ Ibid.

по наслаждению в первой метафизике, разорвав на две части первоначальное существо и, разделив себя самого на два пола, жестоко, грубо, ко взаимному разрушению, только для того, чтобы создать новое, более утонченное существо, которое могло-бы изобрести еще более сложную оргию удовлетворения для вечно голодных демонов его похоти.

Таким образом пол создал, наконец, для себя мозг».

Этими торжественными аккордами начинает Пшибышевский свою «Заупокойную мессу».

А В. В. Розанов в конце своей жизни воскликнул: «Электричество, вулканы, свет, громы, «молот» — все фалл и фалл. «Космогония», символы мира — все фалл и фалл. Сосна, пихта, ель, особенно, шишка еловая, вид дерева, купол неба — все фаллообразно. Все — «он», везде — «он»¹⁾. И наконец за этими интуитивными прозрениями раздался голос отцов науки Штейнаха и Воронова, разгадавших «проблему омоложения».

Путем операции полового аппарата (перевязки семяпровода) создается возрождение половой потенции у стариков, за которым, как неизбежный логический вывод, следует возрождение всей психической деятельности у оперированного субъекта.

Насколько на открытиях Воронова и Штей-

¹⁾ Стрелец 1922 г. Письмо к Голлербаху от 6-Х 18 г.